

Мальчик, мышцы которого ныли от усталости, не мог позволить слизи гнить здесь. С трудом поднявшись, он достал из кармана стеклянную бутылку, точную копию той, что стояла на каминной полке у Громкого человека, с корабликом внутри. Попытка выбросить шнуры дала лишь несколько тонких нитей – пульты управления были сильно повреждены. Но этого хватило, чтобы наполнить бутылку густой, черной слизью, ползущей, словно живая.

— Вот он, — прошептал мальчик, глядя на корабль, наполовину погруженный в бутылку. — Почти готов.

С помощью света он создал стеклянную пробку, запечатав гадость внутри. Немного подумав, с усмешкой заменил копию корабля счастливой резиновой уточкой. Почему-то это казалось правильным. Пока он собирал слизь, нити успели немного подлечить его. Но двигаться было больно, поэтому он осторожно вернулся к заросшему травой входу, теперь уже слегка пошарпанному, и спустился по белым деревянным ступеням. Немного подумав, повернул не на правую сторону лестницы, а на левую. Взмахнув рукой, он обнаружил не обычный шкаф, а металлическую дверь без ручки. Коснувшись ее пальцем, шагнул в бесшовную металлическую комнату и создал небольшой металлический стол, тонкий и сделанный из блестящих проводов. На него он поставил бутылку, названную им "Резиновая Пуховка Судьбы". Оглядевшись по сторонам, он решил, что для трупа это, пожалуй, вполне подойдет, поскольку у него не будет причин сюда возвращаться.

Вернувшись к травяным полям, теперь уже хотя бы частично состоящим из гигантских лугов и травы, он поднял труп и сжал его. После того как труп стал крошечным, ему пришла в голову еще одна мысль, которая заставила его усмехнуться. Когда он во второй раз вышел из металлической комнаты вниз, на Резиновом Утенке была надета массивная черная шляпа.

— Техника — злой ребенок, — прошептал он, поправляя шляпу.

Под лестницей открылись зеленые глаза. У него болело все тело, а лоб был липким. Вытерев его рукавом, он увидел, что со лба сочится черная маслянистая субстанция. Если бы он видел зеркало за последние несколько лет, то был бы уверен, что это шрам от раздражения, тот самый, который так и не зажил. Видя темную субстанцию, которая находилась внутри шрама, он не удивился, что тот продолжает болеть.

— Что-то не так, — пробормотал он, нахмурившись. — Много было по-другому.

Его тело не прошло через всю процедуру согревания рук и части черепа, но он все равно чувствовал изменения. Внимательно осмотрев себя, он понял, что, должно быть, принуждение этого существа наполнило его светом. Многие мелкие боли и скованность исчезли, а его лицо, особенно те части, что находились ближе к месту шрама, чувствовало себя просто потрясающе. Он пропустил через это место много света, так что в этом был смысл. Кроме того, он стал мыслить более ясно. Кто бы мог подумать, насколько сильно он повредил свой мозг во время того боя, но он чувствовал себя очень странно.

Вглядываясь в свою руку, он почувствовал себя немного ошеломленным. Если раньше он едва

различал зеленое свечение, то теперь он видел сеть тонких зеленых нитей, обвивающих его кожу, мышцы, кости. На ощупь все было таким же.

— Я вижу больше, — прошептал он, оглядываясь вокруг. — Меловые следы на стене, маленькие паучки в углах, ногти, которые, казалось, всегда царапали мою кожу — все это четче, чем когда-либо прежде.

Конечно, это было еще более впечатляюще, поскольку единственный свет проникал под край дверцы шкафа. Он резко прервал осмотр, осознав, что прошло довольно много времени с тех пор, как он последний раз двигался. Более того, с тех пор как он в последний раз посещал ванную.

— Нужно двигаться, — пробормотал он, уставившись на дверь своей тюрьмы.

Если они не пытались сдвинуть его с места или дать ему передышку, значит, они хотели, чтобы он устроил беспорядок, чтобы потом наказать его за это. Или умереть за это. В любом случае единственным результатом жалоб будет боль. Однако он только что разбил мозг злобного монстра легкой дрелью. Неважно, как и где он это сделал, он не собирался терпеть боль от дешевого замка из скобяной лавки.

Он крепко сжал руку в петле и потянулся к нити. К его восторгу, две из них спустились по руке к кисти. Несмотря на то что ему было больно, он улучшил контроль над собой. Наматывая нити на каждый палец, он почувствовал, как они становятся твердыми и сильными. Он крепко прижал каждый палец к ржавому металлическому блоку. Вместо того чтобы резать плоть, металл заскрипел, когда он раздвинул верхнюю и нижнюю петли.

Оставив шкаф запертым, он задвинул шарнирную сторону и молча прислушался, не произойдет ли каких-нибудь изменений. Громкий мужчина мог проспать все, что угодно, а Тонкой женщине приходилось спать под храп Громкого мужчины. Таким образом, чтобы прокрасться, нужно было избегать Дадли, что не требовало особых усилий. Если намазать ожиревшего ребенка вареньем, он с тем же успехом может перевернуться.

— Да, — прошептал мальчик, задумчиво почесывая подбородок. — Теперь можно игнорировать почти любой шум.

Теперь, когда он думал об этом, можно было игнорировать почти любой шум, ведь он должен был быть заперт. Каждый человек наверху мог обвинить в шуме других, если только шум не доносился из подземного мира под лестницей. Он снял с себя всю одежду и оставил ее в аду. Если его застанут голым, наказание не увеличится, но он не мог рисковать, что одежда зацепится или поднимет шум. Призраком он поднялся по лестнице и направился в общую ванную.

Он вышел из ванной, тихо закрыв дверь. Он боялся включать свет, но чувствовал себя гораздо лучше после очень напряженной сессии. Он также рискнул воспользоваться раковиной, очистив лицо и большую часть верхней части тела от грязи и засохшей крови, к которым уже

успел привыкнуть. Однако в его голове появилось странное ощущение. В отличие от обычного, сейчас он, казалось, был переполнен идеями и мыслями. До изменения он должен был тщательно концентрироваться на своих действиях, иначе мог наделать ошибок: больные мышцы дергались в самый неподходящий момент, а уставшие конечности теряли хватку. Однако теперь...

— Я должен продолжать становиться лучше, — прошептал он, глядя на свое отражение в луже воды на полу.

Изменения были хорошими, но во многом он все еще оставался несовершенным человеком. Он попытался расставить приоритеты в своих целях. Уехать было можно, но неизвестно куда. Возможно, лучше было вылечиться здесь, где опасности (хоть и многочисленные) были известны и их можно было избежать. Он также знал, что семья Дурслей не замечает вещей, или, по крайней мере, того, что они хотели бы видеть как неправду. Дадли воровал деньги и сваливал все на него, он ел все, что хотел, когда хотел, получал все, что хотел, но мало заботился об этом.

— Это подарок, — прошептал мальчик, усмехаясь. — Я не буду им мешать.

<http://tl.rulate.ru/book/100793/3988414>